

На выходе из вагона стоял сам машинист. Густые брови его нахмурились, сделав прямой взгляд в глаза ему неуместным, вызывающим и постыдным, стан же его был, напротив, куда более щедушный, бессильным и преисполненным утраченного мужества. Немолодой, лет шестидесяти, сгорбленный, он стоял перед офицером, глядя на того мученными, усталыми и мутными от касания катаракты глазами. Смутившись, я просеменил мимо него, отдав полноту свободы для маневров старшим. Тяжело идущий Былгатырев, зевавший на каждом шагу, спустившись с лесенки, зло спросил с машиниста о причинах стопа.

- Господа, была бы то моя вина - начал тот тоскливо, - не сомлевайтесь, сотню ударов плетью бы снес, однако же, взгляните, - Он повел нас за собой параллельно поезду, по дороге размахивая то и дело руками, - видите, там впереди народец столпился ? Часом ранее на дороге мы заметили тяжелое дерево. Лишенные возможности его сдвинуть, мною был отправлен наш человек в ближайшее селение за помощью. - Он указал иссохшим пальцем на плотную массу из тридцати-сорока человек, что-то гневно, смакуя, перебирающих языками, а после на стоящего в стороне паренька двадцати лет отроду, - Собственно, ваша светлость, привели мы этих бестолочей, да говорим, мол, снесите древо с дороги, пока бояре злобы на вас не сыскали. А они, вдумайтесь, господа, взяли же, да уплату спросили с меня ! Откуда мне, вы скажите, взять деньги, коли я и сам в лаптях хожу ? Я им так и ответил, а те толкуют, что без уплаты никак - у них свои дела есть, дети да жены. Помогите, не бросайте в беде. Уверен, случится легко вам сдюжить с сею толпой.

- Ну, даже не знаю. Может, все же они и правы в том: какой дурак за бесплатно дело сделает ? А вы небось нас позвали за вас расплачиваться, сударь ? - Он выпятил грудь, готовясь к продолжительному спору, в коем он, непременно, единственно своим рупорским басом одолеет супостата-машиниста.

- Ни в коем случае, Господа ! - от слов его грудь кавалера опустела, сердце сбавило темп, а спина чуть сгорбилась, приходя в естественное положение и выпуская остаточный воздух в тоскливом выдохе.

Тем временем, машинист, нисколько не обращая внимания на важнейшую персону, продолжил - Извольте, я бы хотел просить у вас помощи, и то не материальной, а душевной ! Окажите поддержку, дабы мы скорее отбыли к Москве ? - Укажите холопам на место ихнее ? - машинист стер появившийся на лбу пот и продолжил, - Пойдемте, Господа, скоро уже разойдутся мужики, а нам с вами помощи неоткуда брать - вы же высшим классом единственным составом на поезде...

Обжигающее солнце опалило лица всех присутствующих. Соленное зловонье потных тел нисколько не умолял ветерок, пробирающийся сквозь березки по обе стороны от железной дороги. Народ, ставшись и, как оказалось, нелестно кроющий бранью бояр и машиниста за одно, терпеливо, измокши, устав и потеряв всякое любопытство, ожидал подхода действующий лиц. Болгатырев и трое рядовых к тому моменту - а прошли мы не менее двухста метров после плотного сна, - испытывали крайнюю нелюбезность, будучи готовыми выплеснуть скопившееся прерванным досугом раздражение.

- Ну, псы окайные, и хули вы встали ? Работу вовсе позабыли ?!

- А ты нас не брани ! За честно берем уплату, а коли давать не желаешь, то изволь пожалуйста терпеть - как-никак свободные люди !

- А ну замолчать, сучьи дети ! Одним ударом убью. Я спрашиваю, работу забыли ? Почему указ

не исполняете !? Вам объяснили важность сего поручения ?!

- Да...

- В таком случае, люди добрые, возжелали казенные харчи на месте хозяйской еды ? Живо выступил десяток сильнейших и чтобы убрали дерево немедленно, блять ! Пришли будто бабы на базар сплетни разводить - чего пол сотней наведались ?

Как не удивительно, но столь краткого, но вполне ясного приказа было достаточно, чтобы люд, пусть и ворча, но выполнял наказ. Наблюдая за сим зрелищем, офицер с подчиненными встал в сторонке, под тень от вагонов, и принялся раскуривать трубку. Я встал ближе - запах табака и, в общем, последствия от вдыхания продуктов его сгорания меня не то что пугали, скорее даже манили. Так я придавался ностальгии по прошлому, в этом живописнейшем месте, раскрытую донельзя хорошо. Первым заговорил один из рядовых, батей именуемых Никитой.

- А все же жестоко вы с ними обошлись, Василий Георгович.

- Думаешь ? - Былгатырев выпустил из носа две струи густого дыма, - А как бы ты решил сию дилемму ?

- Заплатил бы - Ответил тот чуть ли не по стойке смирно.

- Щедр ты - Усмехнулся он, - Меня отец иначе учил: если ты позволишь свободному крестьянину за уплату делать то, что положено ему и без того - то бишь, поощрять его почем зря, то тот лишится и уважения, и страху, а там и без того вовсе работать перестанет. Читал "писчий с подызбица" ? - Наш родненький автор, Гоставедский, написал. - Увидев покачивания головы Никитки, тот продолжил указывая в воздухе трубкой - Так стоило бы ! Слушай тогда, расскажу общие моменты, чтобы не испортить тебе удовольствие от чтения. У главного героя, Петроградского чиновника, выделенный государством слуга приписан был. Он лелеял его, исполняя свой хозяйничий долг, платя, как то следует, своему слуге, но будучи человеком слабым и безвольным, бесхребетным и сочувствующим, и в зле, и в добре исполнял обязанное тому, да тот из рук вон сделался ленив и неказист; не исполнял он более, как тому наказано свыше, хозяйничьи повеления, когда как хозяин... ты понял.

- А если тот был человеком низким, Василий Георгович ? Должен ли он был бы исполнить ?

- Кхем, ну ты как маленький, Никита. Должен ! Даже если и на смерть, греховное дело идет - веление подлежит исполнить. Я все это к чему веду: хороший автор, этот Федор Гоставедский, саму душу русскую так умело раскрыть - никому не удастся. Если без наказания подойти к лукавому шуту, который кроется в холопах и вольных наших, то и насилу милость ничего тебе не даст, никакого блага, одно страданье и траты.

- И поэтому вы наказали им убраться ?

- Ну какое это наказание ? Я же вроде говорил, что за дело браться без платы - юродивость чистой воды. Так вот, как бы мне им заплатить, ежели труд не выполнен их ? Пусть нагоняй от меня лучше получают и исполняют надуманное мною, чем шиш в кармане и преграда на путях. - В последний раз затянувшись курительного табака, Былгатырев привел себя в приличный вид и отправился смотреть на результат всеобщих трудов.

Дерева на путях к сему часу отсутствовало, а люди - восемь статных, безбородых, под два метра ростом мужика не старше сорока лет, промокшие до последней нитки исподнего белья, станно стояли и взирали уставшим, уже ничего не выражающим, но не менее волевым взглядом на

офицера. Тот широко улыбнулся, пожал ближайшему руку и громко, чтобы все ясно слышали его, произнес торжественную речь, оканчивающую сию процессию. "Спасибо, братцы, за помощь вами оказанную" - выражалось в монетном эквиваленте. Выплатив каждому по пол рубля, мы расстались, в общем-то, в хороших отношениях, довольными друг другом. Как и говорил Былгатырев, рабочие отношения и примитивные инструменты капиталистического общества - ценности его семьи, показывают-с себя с лучшей стороны в положении малообразованного, не познавшего ни воли, ни свободы общества.

Вскоре мы вновь оказались в уютном вагоне первого класса, а меж тем благодарный персонал поезда посетовал на то, что негоже героям ходить голодными. Поэтому три четверти пути из Твери в Москву мы то и делали, что ели, пили и вели светские беседы. Тут даже я, ребенок, оказался желанным собеседником. В общем, все прошло замечательно и в назначенный пункт мы прибыли вечером просто в лучшем из возможных чувственных расположений.

<http://tl.rulate.ru/book/62600/1631488>